

Ранним утром раздался чёткий, звонкий перезвон — разносчик шёл по улицам и переулкам, оповещая всех, что пора собирать фрукты. Услышав этот звон, люди сразу понимали, что началась сегодняшняя торговля.

Ли Эрлан был молод и крепок телом, после того как воспаление спало, его рана день за днём шла на поправку. Сегодня во время смены повязки оказалось, что на марле больше нет сочившейся сукровицы, а рана уже покрылась корочкой.

Ли Санлан обрабатывал рану Ли Эрлана: Лекарь наказывал, что после того, как рана покроется корочкой, её больше нельзя бинтовать. Нужно держать её в сухом виде и ни в коем случае не мочить.

Теперь, если присмотреться к ране на ноге Ли Эрлана, становилось понятно, насколько опасным было его решение преградить путь дикому кабану собственным телом.

Длинный порез тянулся от самой щиколотки до подколенной ямки. Если бы тот кабан приложил чуть больше силы или Ли Эрлан не успел увернуться, свирепые клыки вполне могли насквозь проткнуть его голень. Задень зверь крупный кровеносный сосуд глубоко в ноге, не прошло бы и времени, затраченного на заваривание чая, как Ли Эрлан мог погибнуть от непрекращающейся кровопотери — в тот момент, боюсь, даже великие бессмертные боги не смогли бы его спасти.

Такую длинную рану было трудно остановить самостоятельно. Лекарь, очистив её от гноя и крови, стянул весь порез кетгутовой нитью, и только так кровотечение прекратилось. К сожалению, искусство лекаря оказалось средним: из-за слишком длинного шва и толстой кетгутовой нити на ноге Ли Эрлана словно улеглась толстая и длинная сороконожка.

Тёмно-красные кровавые корочки были смазаны бурой мазью, выглядя крайне свирепо и жутко.

Даже когда в будущем рана затянется, от столь длинного пореза непременно останутся шрамы.

— Сколько ещё фруктов у нас на участке не собрано? — Ли Эрлан сидел, подогнув ногу, в ожидании, пока мазь высохнет, чтобы можно было встать на землю.

Ли Санлан убрал мазь, задумался и прикинул: — Старший брат с отцом перед уходом оборвали большую часть плодов, дома их до сих пор не закончили перебирать. Сейчас на деревьях осталось примерно две-три тысячи цзиней хурмы, боярышника поменьше — около тысячи цзиней.

— Разносчик пробудет здесь всего десять дней, за это время фрукты продолжают созревать. Туда-сюда, пока мы сдадим последнюю партию, обоих видов плодов наберется тысяч на семь-восемь, — Ли Эрлан подсчитывал прибыль. — Разносчик закупает хурму по одному вэню за

цзинь, а боярышник — по три вэня за два цзиня. Если сделать из них цукаты или отвезти на юг, цена может вырасти в несколько или даже в десяток раз... — Поразмыслив, Ли Эрлан решил, что всё-таки стоит пораньше отправиться в деревню и разыскать управляющего Чжана, который заведует закупками.

— Я тоже пойду сдавать товар.

— Лекарь говорил, что тебе пока нельзя ходить далеко.

Ли Эрлан с улыбкой заискивающе посмотрел на младшего брата: — Я поеду на телеге.

Заранее перебранные фрукты, наложенные в плетёные корзины с горкой, были готовы. Старик Ли и Ли Санлан вдвоём водрузили корзины на телегу, и Ли Эрлан, опираясь на костыли, молча устроился на повозке.

Матушка Ли не удержалась от упрёка и выругалась: — Тоже мне, получил рану, а всё никак не угомонится! Твоё тело весом в сотню цзиней придавит телегу — разве Санлану не тяжелее её тащить?

— Мам, я хочу найти управляющего Чжаном, который закупает товар, кое о чём расспросить. Разве это значит, что я не угомонился?

В конце концов Ли Санлан помог уговорить её, пообещав, что справится с повозкой, и только тогда матушка Ли позволила Ли Эрлану уехать из дома.

Кое-кто на полях погонял волов, запряженных в плуги, готовясь перед посадкой пшеницы в очередной раз глубоко взрыхлить землю и проложить неглубокие борозды — это была самая последняя подготовка к севу пшеницы.

Ныне жить становилось всё труднее. Когда старик Ли был молод, с мужчин, служивших в армии, снимали повинности, налог на зерно и налог на шёлк. К моменту рождения отца Ли почти в каждом доме кто-нибудь да служил в войсках, поэтому двор шаг за шагом упразднял привилегии военных гарнизонов.

Как рассказывал старик Ли, раньше людям, служившим в гарнизонах, выделяли по четыреста му вечных наделов. Что такое вечные наделы? Это земли, которые можно было обрабатывать из поколения в поколение, и чиновники не имели права их отобрать; их разрешалось передавать сыновьям и внукам. Прошло всего двадцать лет — и теперь на каждого приходилось уже не по сто му, к тому же из этой сотни му лишь двадцать являлись вечными наделами.

Если сравнить с прежними временами — разница была просто колоссальная.

Мало того, что выделяемой земли становилось всё меньше, на плечи гарнизонных воинов

постепенно взваливали всевозможные подати. Когда же их сравнивали в налогах и повинностях с остальными простолюдинами, положение солдат ничем больше не отличалось от положения обычных крестьян.

У властей больше не оставалось свободных земель, которые можно было бы раздать воинам.

Когда юношам исполнялось двадцать лет, их в обязательном порядке призывали в армию. В мирное время они сидели по домам и занимались земледелием, а по зову возвращались в казармы на тренировки — обычно три смены по два года. Кроме того, полагалось двадцать дней повинности, а также ежегодно выплачивалось по два дэня пшена и два рулона белого шёлка. После налоговой реформы им приходилось тяжелее, чем раньше, и постепенно большинство людей перестали хотеть служить в армии. В гарнизонах стало появляться всё больше дезертиров.

Большинство из них из-за бедности в семье тайне продавали собственные наделы, чтобы пережить временные трудности и насытиться вволю. Лишившись земли, они в свободное время арендовали участки у помещиков. После выплаты государственных налогов и поборов землевладельцу на долю семьи оставалось совсем крошечное количество зерна. С трудом сводя концы с концами, они постепенно погружались в замкнутый круг. И тогда, не видя никакой надежды, они бежали из казарм, уводили семьи в горы, провозглашали себя царьками и становились разбойниками.

Нынешние времена шли ни в какое сравнение с прежними, и теперь всюду, где были горы, водились лесные разбойники.

Семья Ли Эрлана тоже продавала землю. Вообще-то эти наделы не разрешалось продавать или покупать, но императорский двор находился далеко, династии сменяли друг друга, а власти в конце концов не могли противостоять местным сильным кланам и были вынуждены закрывать на это глаза. За долгие годы из столь обширных полей на долю самих крестьян приходилось лишь ничтожно малое количество. Они арендовали земли, которые некогда принадлежали им самим, платили двойные налоги и содержали целые семьи.

И это в точности соответствовало строкам стихотворения: В четырёх морях нет пустых полей, но крестьяне всё равно умирают с голоду.

На северо-западе после середины октября температура воздуха начинала падать безо всякого предупреждения. Погода становилась капризной, и нередко среди снега пролетал ледяной дождь, так что люди попросту не могли долго оставаться на улице. Закупки товаров разносчиками подходили к концу, и они уже тщательно выбирали обратные маршруты.

Сейчас стояла вторая половина девятого месяца, и разносчикам нужно было успеть выбраться из северо-западных земель до середины десятого месяца. Случись им столкнуться с резким похолоданием на выходе из гор, один ледяной дождь мог запереть их в ловушке среди скал. В такую пору дороги становились скользкими, вывезти товары было чрезвычайно трудно, а стоило застрять в горах, как тотчас возрастала угроза столкнуться с разбойниками.

Ли Санлан катил телегу, медленно продвигаясь вглубь деревни. Там уже собрались караваны из нескольких разных разносчиков, образовав внушительное зрелище. Все они прибывали в разные дни, но обычно договаривались объединиться в один обоз и выбрать для отъезда общий день.

Завидев желающих продать товар, несколько приказчиков поспешили вперед на помощь: — Старик Ли, третий молодой господин Ли, ну и расторопные же вы! Ни у кого нет такого количества фруктов на продажу, как у вашего семейства — изо дня в день стабильно по несколько сотен, а то и тысяча цзиней!

Старик Ли улыбнулся: — Это мои сыновья и внуки: перед уходом оборвали все спелые плоды, а с тех, что еще не доспели на ветках, каждый день понемногу собирают.

Один из приказчиков заметил слезающего с телеги Ли Эрлана: — Ого, да это же второй молодой господин Ли! Чего это я, мол, в последние дни не видал тебя на сборе фруктов, а ты, оказывается, ранен?

Ли Эрлан медленно подошел, опираясь на костыли: — В прошлые дни по неосторожности столкнулся с диким кабаном. — Каждый год одни и те же приказчики приезжали с управляющим закупать у них фрукты, так что за долбаные годы они с Ли Эрланом уже стали добрыми знакомыми.

Услышав, что Ли Эрлан пострадал из-за дикого кабана, рабочие испугано переглянулись: — Эта скотина настолько свирепа, что смогла искалечить человека?

— Я сам проявил беспечность. — Ли Эрлан не стал вдаваться в подробности. Приказчики не стали расспрашивать дальше и принялись набивать мешки фруктами из корзин. Вспомнив о цели своего визита, Ли Эрлан спросил: — Я бы хотел разыскать управляющего Чжана и расспросить его кое о чём. Скажите, он на месте?

— Дядюшка Чжан? Он внутри. — Они арендовали в деревне просторный двор.

Ли Эрлан подошел к воротам и заглянул во двор: повсюду громоздились мешки, а за столом сидел мужчина средних лет и сверял записи в бухгалтерских книгах. Рядом с ним стоял ларец, и Ли Эрлан знал, что там хранятся серебро и медные монеты — взвесив товар, приказчики заводили людей внутрь за расчётом.

Услышав шаги, управляющий решил, что кто-то пришёл за деньгами за товар, но, подняв голову, увидел Ли Эрлана. Он отложил кисть и с доброй улыбкой произвел: — Эрлан, как же это ты умудрился пораниться?

Ли Эрлан смущенно объяснил случившееся, и управляющий Чжан велел вынести стул, чтобы тот мог присесть.

— И впрямь проявил безрассудство. Тот кабан весил триста-четыреста цзиней, если бы ты не увернулся вовремя, рана оказалась бы куда тяжелее.

— Верно... — Ли Эрлан присел и, не теряя времени, заговорил напрямую: — Управляющий Чжан, я пришел к вам с вопросом, и не знаю, сочтете ли вы это возможным. Я слышан, что наш хозяин поднялся на хлебной торговле, сколотил торговые караваны и повсюду скупает товары для переработки, чтобы затем перепродавать их в Чанъань или на юг. — Он сложил руки в приветственном жесте: — Через вас я бы хотел попросить у хозяина одно дело. Ныне всё, что у меня есть для заключения сделки с хозяином — это земля. В этом году я ходил в уездную управу вносить запись и получил сто му земли, а в следующем году записываться идти Санлану. Если не будет ошибок, он продолжит учиться, и тогда в моих руках окажется уже двести му.

Управляющий Чжан сразу догадался, к чему клонит Ли Эрлан, и улыбнулся: — И что же Эрлан намерен выращивать?

— Я слышал, что специи ценятся высоко. Однако земли на юге, где проживает хозяин, хоть по большей части и плодородны, всё же не так обширны и сосредоточены в одном месте, как на севере. Там в основном сеют рис да чумизу, причем урожайность выше северной, так что тратить такие угодья на пряности было бы жаль. А знать и влиятельные кланы застряли в устаревших взглядах — они не желают отдавать хлебобродные нивы под специи. Поэтому я бы хотел попросить хозяина насадить у нас хуский чеснок.

Управляющий Чжан усмехнулся: — Ли Эрлан, мыслишь ты неплохо. Здесь хуский чеснок стоит всего сорок вэней, а в Чанъани его можно сбыть и за сотню, не говоря уже о прочих пряностях. Но неужели ты думаешь, что те богатые и владеющие землями знатные роды просто так откажутся от этого источника наживы?

Заметив молчание Ли Эрлана, управляющий мягко добавил: — На юге и впрямь редко выращивают хуский чеснок, но скажи на милость, много ли его на севере? Послушай-ка... Ныне сращивание чиновников с торговцами заходит всё дальше, а иноземные купцы давным-давно тесно снюхались с местными сильными кланами. Мало того, что семена раздобыть трудно — если у тебя не найдется чеснока по цене ниже их собственной, ты точно не выдержишь их натиска. А даже если и найдется, они не позволят тебе провернуть это дело.

Управляющий погладил бороду: — Я понимаю, Эрлан, ты хочешь опереться на влияние хозяина, чтобы противостоять хуским купцам. Но влияние хозяина распространяется вовсе не на север, так что на твою просьбу я могу ответить прямо сейчас от лица хозяина: мы не можем на это согласиться.

Приходя сюда, Ли Эрлан и сам не питал особых надежд, а потому и разочарования особого не испытал — порой сделать хоть что-то лучше, чем сидеть сложа руки.

Увидев, что на лице Ли Эрлана нет и тени разочарования, управляющий мысленно похвалил его: — Смута в поднебесной всё крепнет, а взлёт цен на шёлк произошел слишком внезапно.

Водица там... больно мутная...

— Нельзя ли попросить вас приоткрыть завесу тайны: неужто на юге что-то стряслось?

Хотя управляющий Чжан уже давненько не возвращался на юг, доходившие до него слухи всё же намного превосходили по количеству те крохи, что доставались крестьянам, запертым в одной местности.

Он тяжело вздохнул: — На юге больше не растёт шелковица.

Ли Эрлан содрогнулся от изумления и долго не мог прийти в себя.

— Эрлан? — Ли Санлан стоял у ворот двора и почтительно поклонился управляющему: — Управляющий Чжан, я пришел за деньгами за товар.

Ли Эрлан обернулся: оказывается, взвешивание снаружи уже завершилось, и Ли Санлан со стариком Ли вошли во двор за расчетом. Подойдя к брату и заметив пот на его лбу, Санлан тихо спросил: — Второй брат, что случилось?

— Поговорим, когда вернемся домой, — ответил Ли Эрлан и отвесил управляющему Чжану исключительно церемонный поклон: — Благодарю за подсказку, управляющий.

Управляющий Чжан махнул рукой, быстро сверился с отчетом приказчика и тут же выдал им расчет за товар: — Я потому и поведал тебе об этом, что ваше семейство столько лет работает без лени и увиливаний, да еще понимает, как избежать бед и сберечь себя — люди вы недюжинные.

Ли Санлан подхватил Ли Эрлана под руку, и перед самым выходом украдкой бросил взгляд на управляющего.

Приказчик проводил взглядом удаляющуюся семью Ли и недоуменно произнес: — Это здесь-то новости доходят с таким запозданием из-за глуши и близости к заставе, но пройдет совсем немного времени — и весть о том, что на юге не осталось шелковицы, докатится и сюда.

Управляющий Чжан прикрикнул на него: — Думаешь, дело в глуши? Полагаешь, хозяин отдал строгий приказ держать всё в тайне просто так? То был строжайший правительственный указ. Юг — это житница поднебесной и гнездо знатных кланов. Если эта весть вырвется наружу, север тоже запыхает смутой.

Эх, хозяин жизни, в этой главе ещё кое-что припасено, жмите на следующую страницу — дальше будет только интереснее!

Откуда молодому приказчику было знать всю эту сложную вязь интриг? Он лишь пробормотал: — Тогда зачем вы им всё рассказали?

Взгляд, которым управляющий Чжан одарил подчиненного, был полон глубочайшего презрения и досады на непонятливость: — Мы скупаем здесь товары уже столько дней, неужели ты ничего не заметил?

Управляющий не стал продолжать объяснения, а лишь уставился на ворота двора, в мыслях терзаясь тревогами о нынешнем положении дел: правду ли сообщили в Чанъань хозяину? Быть может, хозяин сумеет воспользоваться этим шансом и подняться на новую ступень!

Заметив, что приказчик по-прежнему хлопает глазами, управляющий лишь ощутил прилив жгучей злости: — Всюду нынче скупают зерно, и мы не исключение! Несколько дней назад пришло срочное письмо от хозяина с приказом скупать по дороге столько зерна, сколько сможем унести. А сколько продающих зерно людей мы повстречали за этот путь? Разве ты хоть раз видел, чтобы они поинтересовались ценой? Или ты и впрямь считаешь, будто он не знал, что мы платим за скупаемое зерно на один вэнь больше уездной цены?

Управляющий заложил руки за спину, сохраняя глубокомысленный вид: — И ты всерьез думаешь, что тот третий парень из семьи Ли зря штаны протирает за книгами?

Фигуры с повозкой за воротами давно скрылись из вида. Дождавшись этого, управляющий Чжан вновь уселся за счета: — Если хозяин и вправду вяжется в дело со специями, ни тебе, ни мне больше не придется возиться с этой закупкой товаров!

На юге выращивать специи не станут ни при каких обстоятельствах.

— Слыхал я, в следующем году третий сын семьи Ли намерен сдавать уездные экзамены. Почему бы мне прямо сейчас не сделать так, чтобы они задолжали хозяину услугу...

Прохожие торопливо шагали по своим делам — выдался еще один день тяжелого труда.

На обратном пути старик Ли катил пустую телегу, на которой восседал Ли Эрлан, а Ли Санлан шагал рядом, придерживаясь за борт: — Второй брат, что тебе говорил управляющий Чжан?

— Санлан, ты был прав насчет юга.

Южные земли изобильны, это главный центр производства зерна и шелка. До тех пор пока на юге царит порядок, вся страна способна за несколько лет вернуться к стабильности. Но стоит югу заволноваться, как у всего государства зашатаются сами основы, грозя страшной бедой.

— Какова же причина? — допытывался Ли Санлан. — Если южане умышленно разрушают рынок и взвинчивают цены, власти могут навести порядок с помощью армии, попутно устроив

хорошую чистку. Нынешнее положение дел выглядит странно: цены на рис и шелк бешено ползут вверх, а власти безмолвствуют — ни регулирования, ни объяснений.

— На юге больше не растет шелковица.

Ли Санлан от неожиданности замер на месте, широко раскрыл глаза и застыл.

Без шелковицы невозможно разводить шелковичных червей, нет червей — нет шёлка, а без шёлка на рынке рушится цена на ткани. Стоит взлететь цене на шёлк, как следом дорожает абсолютно всё остальное.

Тут быть беде.

<http://bllate.org/book/21408/2184628>